

ВОЛОГОДСКИЙ

ЛАД

2 (31)
2015 год

Литературно-художественный журнал

Судьба Цветаевых. Вологодские штрихи

Более четверти века назад, читая и перечитывая всё, что связано с именем Марины Ивановны Цветаевой (1892 - 1941), я познакомилась с мемуарной новеллой «Родные сени», опубликованной в журнале «Юность». Автор новеллы, Анастасия Ивановна Цветаева (1894 - 1993), вызвала особенное уважение: её «Воспоминания» были для меня главным проводником в эпоху Серебряного века. Но о том, как складывалась жизнь родной сестры Марины Ивановны, я многого тогда не знала. Тем неожиданнее было открытие: Леонид Фёдорович Шевелёв, друг Анастасии Цветаевой, работал около Вологды! Весь текст посвящался доброй, благодарной памяти об этом человеке.

Героиня новеллы пыталась понять загадочную гибель Шевелёва и объяснить странные совпадения: московскую знакомую Леонида, почти неизвестную женщину, чьё имя чудесным образом вспомнилось, удалось найти именно в том доме, в котором недолгое время в 1912 - 1913 годах жили Сергей Эфрон, Марина Цветаева и совсем маленькая их дочь Аля. При чтении появилось стойкое ощущение, что и в Вологде, где, судя по всему, находились родственники Леонида Шевелёва и где он был похоронен, Анастасия Ивановна не могла не побывать. Захотелось обратиться к автору новеллы напрямую, расспросить подробности, убедиться в своих предположениях. Из специального справочника узнала адрес. Но... не решилась. Половина моего письма была бы об отношении к стихам, а я понимала, что подобных эмоциональных посланий, обращённых к сестре великого русского поэта Марины Цветаевой, очень много и у 94-летней писательницы вряд ли есть желание на них отвечать. Сработал провинциальный комплекс. А сегодня я жалею и об упущенной возможности, и о своём, на несколько лет, отвлечении от темы. Краеведческие изыскания представлялись мне тогда уделом тех историков и биографов, которые устанавливают лишь внешние и не всегда интересные факты. «В Вологде есть краеведы - они этим и займутся», - думала я.

Однако тема снова настойчиво позвала

тогда, когда Анастасии Ивановны Цветаевой уже не стало.

*И год упал, как сброшенная кожа,
Как в дом пустой - безумно-лунный свет...*

*Пожалуйста, остановись,
прохожий!*

Сестёр Цветаевых на свете нет.

(Из стихотворения Галины Данильевой «К годовщине ухода последней Цветаевой»).

За семь лет до окончания XX века навсегда ушла та, которая больше всех знала о юной Марине Цветаевой и которая сама была воплощением великой трагической эпохи. В память о ней открыла книгу «Моя Сибирь» - воспоминания о новосибирской ссылке в селении Пихтовка. Одно из испытаний Анастасии Ивановны в начале 1950-х годов: при ремонте дома повреждён глаз - надо добиваться лечения в городской больнице. И вдруг читаю:

«От меня шла телеграмма главврачу вологодской глазной больницы, ученице профессора Филатова Евгении Васильевне Александрович, у которой я лежала в областной больнице в Вологде, просьба сообщить районным сибирским врачам о состоянии моих глаз и о необходимости срочного медосмотра специалистом». Значит, всё-таки Анастасия Ивановна была в Вологде?! Но когда именно, по каким причинам здесь оказалась и как долго пробыла? Ещё один знакомый ей человек, да не просто знакомый, а также вызвавший много лет спустя самые вос-

Анастасия и Марина Цветаевы. 1905 г.

торженные оценки: «очень умная и очень добрая женщина», «изумительный администратор»; «О, Евгения Васильевна, во всей своей обаятельной мягкости, видела всех насквозь, в руках держала больницу! Её обожали. Её слушались не за страх, а за совесть. Помню, как, услышав, что кто-то окликнул меня по фамилии, она строго обернулась: «Что это такое? В нашей больнице так не зовут человека: Цветаева! Надо сказать «Товарищ Цветаева!»»

От своих родных я узнала, что врач Александрович ещё в 1960-х годах уехала в Минск, там умерла, а в Вологде близких у неё не осталось. Размышляя о том, где и как мне получить нужную информацию, я невольно пыталась найти какую-то связь с Вологодским краем и Марины Цветаевой. Интересы культурные (спектакль в вологодском ТЮЗе «Век мой, ад мой...») и научные (конференции «Век и Вечность» в Череповце), как мне казалось, обязательно должны дополниться новым пониманием цветаевских произведений - с вологодской точки зрения... Видимо, любовь к кому-то или чему-то однажды требует большей целостности - и тогда отношение к поэтическим строчкам начинает вбирать в себя отношение к городу и родному краю, к их прошлому, настоящему и будущему.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И ВОЛОГДА: ПОЭТИЧЕСКИЙ ШТРИХ

*...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе...*

Марина Цветаева никогда не была в Вологде, в Вологодской области. Но о самом городе ей вполне могли рассказывать те, кто побывал здесь в ссылке или при других обстоятельствах. Например, философ Н. А. Бердяев (1877 - 1948) и писатель А. М. Ремизов (1877 - 1957). Первый из названных находился в Вологде в ссылке в 1901 - 1902 годах. Цветаева познакомилась с ним в 1910-м, виделась с философом и за границей. В творчестве А. М. Ремизова, который как своеобразный писатель сформировался именно в период своей ссылки на Север, она ценила «живую сокровищницу русской души и речи». В самой Вологде Ремизов находился с 1901 по 1903 год, здесь состоялась его первая публикация, создавался роман «Пруд»; вологодские темы определили также характер повести «Часы» и книги «Иверень». Знакомство поэта и писателя состоялось в 1922 году в Праге, затем активное общение продолжилось в Париже, где Ремизов стал крёстным отцом сына Цветаевой - Георгия.

О судьбе творческого человека, жившего когда-то в Вологде, Марина Цветаева могла размышлять и в годы революции. Стихотворение с эпиграфом впервые появилось у неё 30 октября 1918 г. Эпиграф взят из произведения К. Н. Батюшкова «Тень друга», эта же строка, первая у Батюшкова, стала начальной в цветаевском тексте, а реакция на неё определила лирический сюжет. Подобный вариант использования чужой поэтической фразы возникнет ещё раз только в самом последнем стихотворении Цветаевой «Всё повторяю первый стих...», написанном 6 марта 1941 г. Однако строчку А. Тарковского она «исправит» и будет опровергать, а с Батюшковым спора нет.

*Я берег покидал
туманный Альбиона...*
Константин Батюшков

*«Я берег покидал туманный Альбиона»...
Божественная высь! -*

*Божественная грусть!
Я вижу тусклых вод взволнованное лоно
И тусклый небосвод,
знакомый наизусть.*

*И, прислонённого к вольнолюбивой мапше,
Укутанного в плащ - прекрасного,*

как сон -

Я вижу юношу. -

О глაცыте, девы, глაცыте!

Плачь, мужественность! -

Плачь, туманный Альбион!

Так выглядят первые два четверостишия текста. «Тень друга» Батюшкова и тень самого Батюшкова в этом цветаевском произведении соединяются с образами реальных людей (Сергей Эфрон, доброволец, о судьбе которого Цветаева ещё ничего не знает; умерший брат Сергея - Пётр Эфрон) и литературных героев (Чайльд-Гарольд, Одиссей). Во второй части стихотворения примечательна строка: «Вот школа для тебя, о ненавистник школ!». Цветаева, уже неоднократно заявлявшая в 1910-е годы о несогласии с любимыми поэтическими течениями и объединениями, именно Батюшкова

К. Н. Батюшков

взяла в союзники, сделала символом одинокой судьбы. Уже в 1918 году ей были дороги в этом поэте-отшельнике особые качества: способность жить в своём мире, отгороженном от быта и общественных проблем, умение полностью погружаться сознанием в искусство, в иные культурные пространства и эпохи. Создавая лирические стихотворения, в которых оживала Древняя Русь (книга «Вёрсты»), увлекаясь итальянскими и французскими авантюристами XVIII века (цикл «Романтика»), работая над поэмами-сказками («Царь-Девница», «Молодец»), Цветаева шла тем же путем. И, подобно Батюшкову, пренебрегшему чиновничьей карьерой, в революционные годы она ощутила свою невозможность служить («Мои службы»).

Пропавший навсегда в провинциальном городе Батюшков мог привлечь внимание Цветаевой ещё и потому, что в её личной судьбе к тому времени появился опыт недолгого проживания в городе Александрове, а в судьбе поэтической уже возник текст стихотворения «Я бы хотела жить с Вами в маленьком горо-

де...» (1916 г.). Не только знакомый Александров, связанный с Мандельштамом (приезжал на несколько дней к сёстрам Цветаевым летом 1916 г.), со стихами к Блоку и поэзией Ахматовой, но и, возможно, угадываемая через Батюшкова Вологда соединялись в представлении Цветаевой в мечту о городе, которой был бы идеален для творческой личности, избегающей громкой известности, шума времени и суеты.

*Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.*

О Батюшкове она размышляла и в эмиграции. Упоминание о нём в статье «Поэт и время» (1932) предваряется суждением, имеющим большое значение для самоопределения Цветаевой: «Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы. На поэте - на всех людях искусства - но на поэте больше всего - особая печать неуютя, по которой даже в его собственном доме - узнаешь поэта». Эту «печать неуютя» она защитила и в «Повести о Сонечке» (1937), оспорив Мандельштама, сказавшего в стихотворении «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (опубликовано в 1913 г.):

*И Батюшкова мне противна спесь,
«Который час?» - его спросили здесь,
А он ответил любопытным:
«Вечность».*

Мандельштам несколько изменил фразу из дневника Дитриха, врача Батюшкова: «Он решительно не мог перерабатывать вопроса о времени. «Что такое часы? - обыкновенно спрашивал он и при этом прибавлял: - Вечность!»

Цветаевская Сонечка, в которой Анастасия Ивановна позднее увидела воплощение самой Марины, судит иначе: «Глупо у поэта спрашивать время. Без-дарно. Потому он и сошёл с ума - от таких глупых вопросов. <...> И опозорились, потому что это ответ - гения, чистого духа».

Недооценённый современниками Батюшков, родившийся в Вологде и закон-

чивший в ней же своё земное существование, был, спустя столетие, очень верно определён в своей поэтической уникальности именно Мариной Цветаевой.

Их судьбы, человеческие, литературные, посмертные, во многом похожи. Эмигрантка Цветаева выпала из советской литературы так же, как Батюшков, покинувший столичный город, исчез для своих друзей и собратьев по перу. Могилы двух поэтов определены приблизительно, а тома Батюшкова и Цветаевой в серии «Библиотека поэта» вышли почти одновременно.

Те определения и находки, о которых читатель узнает дальше, стали результатом не только поиска, но и помощи многих людей. В одиночку краеведением заниматься невозможно. Для того, чтобы архивные документы, свидетельства, воспоминания сложились в общую картину бытия, недостаточно взгляда единственного специалиста. Автор выражает огромную благодарность сотрудникам Дома-музея М. И. Цветаевой в Москве, Музея семьи Цветаевых в Тарусе, краеведческого музея в г. Соколе Вологодской области, Музея А. И. Цветаевой в Павлодаре, а также специалистам Государственного архива по Вологодской области, Управлению ФСБ России по Вологодской области, старожилам г. Сокола, жителям ул. Фрунзе в г. Соколе и лично - О. Н. Григорьевой, Г. В. Зеленину (Павлодар), Е. М. Климовой (Таруса), Н. М. Мелёхиной (Вологда), Л. А. Кузнецовой (Сокол), О. В. Титовой (Великий Устюг), О. А. Трухачёвой (Москва).

МАРИНА ЦВЕТАЕВА, АРИАДНА ЭФРОН И ВЕЛИКИЙ УСТЮГ: ПЕРЕКРЁСТКИ

***А покамест пустыня славы
Не засыплет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.***

Поиски «вологодских следов» Марины Цветаевой привели к уникальному изданию 1924 года.

Когда Цветаева была за границей и в СССР её уже не печатали, в Великом Устюге вышел сборник «Московские поэты», где появились два её стихотворения, обращённых к Борису Пастернаку (1890 - 1960): «В час, когда мой милый брат...» и «Брожу - не дом же плотничать...» (оба 1923 г.). Оглавление сборника и его состав - важный объект для исторических и текстологических комментариев.

Предстоит выяснить, по чьей инициативе появился такой сборник и каким образом два стихотворения из личного письма Пастернаку - в изменённом виде, с опечатками - перекочевали в это издание, о котором, судя по всему, ни сама Марина Цветаева, ни её дочь Ариадна Эфрон так никогда и не узнали. Пастернак в Великом Устюге не был. Скорее всего, доставку текстов осуществило некое третье лицо из числа тех, кто был данным сборником представлен. Одна из версий: этим лицом мог быть И. С. Рукавишников (1877 - 1930), поэт-символист и писатель, стиховед, имеющий непосредственное отношение к организационно-педагогической деятельности в области литературы. Роль посредника между адресатом-получателем стихотворений и инициатором издания (или человеком, настоящим на публикации цветаевских текстов) могла сыграть и Анастасия Цветаева: с Пастернаком она познакомилась в 1923 году, а с зимы 1924-го активно общалась с И. С. Рукавишниковым (впоследствии её воспоминания о нём вошли в книгу «Неисчерпаемое»).

Известно также, что в июле 1969 года дочь Марины Цветаевой Ариадна Сергеевна Эфрон (1912 - 1975) совершила путешествие по Северной Двине и Сухоне от Архангельска до Великого Устюга и в обратном направлении. Незнание того, что именно в этом городе были опубликованы в 1924 году стихи её матери, не отменило ярких и памятных впечатлений. Письма А. С. Эфрон к разным адресатам содержат рисунки двух церквей (прп. Димитрия Солунского и Преображенской) и такие оценки:

«Великий Устюг - сказочен и вполне неожиданно почти не тронут «цивилизацией». <...> Во многих (закрытых) церквях ещё целы иконостасы, деревянная резьба, иконы, кое-где фрески. Что до населения, то - красивы! без монгольских примесей! спокойны! приветливы!»

«Городок маленький и весь - сокровище в детской горсти; всё близко, всё - настоящее - церкви, монастыри, особняки, лавки (именно лавки, а не магазины!) и нигде никаких «Черёмушек». Ненадолго это счастье, вероятно; говорят, в 1971 г. построят ж/д ветку, и тогда конец Китежу! Пока же - не только немногочисленно, а - пустынно <...> Красота, покой, даже уют, тишина. <...> Два изумительных музея без посетителей».

«Ах, каких я Егориев видела - иконописных и скульптурных (дерево) во время нынешней поездки по Северной Двине и Сухоне! Прекрасных до озноба, до умопросветления. Вообще там, на Севере, есть чем любоваться и - немногочисленно...».

Не будет, наверное, слишком натянутой и такая мысль: то, что увидела в Великом Устюге своими глазами Ариадна Сергеевна, то, что она ощутила, составляло и тайную мечту её матери, написавшей уже в 1926 г.:

*Хоть бы заснут -
Только без прочих!
<...>
Богом мне - тот
Будет, кто даст мне*

*- Не времени!
Дни сочтены! -
Для тишины -
Четыре стены.*

Возможно, впервые эти строки по машинописной рукописи, привезённой А. С. Эфрон, прочитала в 1947 - 1948 годах и Анастасия Ивановна Цветаева, находившаяся в посёлке Печаткино рядом с Соколом (сегодня - район города), в 40 километрах от Вологды. Судьбы архива Марины Цветаевой, лагерного романа

«Амог» («Любовь») Анастасии Цветаевой, судьба родных и близких этих двух сестёр оказались и в самом деле связаны с Вологодским краем.

«РОДНЫЕ МЕСТА, СЕВЕРНЕЕ...»

Вологодский этап судьбы Анастасии Цветаевой, Андрея Трухачёва и Ариадны Эфрон

Анастасия Ивановна Цветаева и её сын Андрей Борисович Трухачёв (1912 - 1993), только что получивший диплом инженера-архитектора, были арестованы сотрудниками московского НКВД 2.09.1937 г. в Тарусе. В судьбе А. И. Цветаевой это был уже второй арест: первый раз её лишили свободы в апреле 1933 года, но, продержав в тюрьме 64 дня, отпустили без последствий из-за вмешательства А. М. Горького. Теперь заступиться было некому. Обвинение прежнее: принадлежность к мистическому обществу, возглавляемому поэтом, импровизатором, скульптором, учёным-археологом Б. М. Зубакиным (1894 - 1938), а после 1929 года - Л. Ф. Шевелёвым (1903 - 1936). В записях лекций Зубакина, в том числе изъятых на московской квартире А. И. Цветаевой, в книгах на религиозную тему следователи усмотрели признаки антисоветского заговора, а реликвию общества, старинный мальтийский крест, и особый способ приветствия даже связали с фашизмом. Сына арестовали только за то, что сын. Приехавшую в Тарусу невесту Андрея Борисовича Татьяну не тронули (Анастасия Ивановна при аресте назвала её соседкой), хотя и переписали паспортные данные.

Из материалов данного следственного дела, протокола допроса одного из задержанных выяснилось: моё первоначальное ощущение, что А. И. Цветаева не могла не побывать в Вологде, не лишено фактических оснований.

«Вопрос: Куда вы выезжали летом 1936 года?»

Ответ: 30 июня 1936 г. я выезжал вместе с А. И. Цветаевой в Вологду, покло-

ниться праху Шевелёва, похороненного в Вологде на городском кладбище».

Далее отвечавший сообщил, что он вернулся в Москву, а Анастасия Ивановна отправилась в Архангельск, к находящемуся в ссылке Б. М. Зубакину.

Протоколы допросов А. И. Цветаевой в этом деле самые лаконичные. Она подтверждает, что Зубакин её друг, что взгляды его в области философских и религиозных учений, в области искусства она разделяет. Из единомышленников указывает лишь двух человек, которых уже нет в живых, об убеждениях других не судит и не называет фамилию женщины, приехавшей из Смоленска в Москву на панихиду по Шевелёву, поскольку не желает, чтобы та была «привлечена к ответственности - невинно». Известно, что допросы длились по много часов (следователи меняли друг друга) и не все арестованные по «делу розенкрейцеров» проявили такую стойкость. Рукописи Анастасии Ивановны, в том числе «Книга о Горьком», четыре больших романа, повести, сказки, переводы были изъяты при аресте и считаются утраченными. А. И. Цветаеву приговорили к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях Дальнего Востока, в районе Хабаровска. Спасла вера в Бога и ... стихи. Про себя читала стихи Марины, начала сочинять свои. Поэма «Ушедшему другу» посвящена памяти Л. Ф. Шевелёва, есть и стихотворение, заканчивающееся словами:

*Марина! Свидимся ли мы с тобою,
Иль будем врозь - до гробовой доски?*

В 1943 году, узнав о смерти сестры, А. И. Цветаева надолго перестанет писать стихи - вернётся к ним лишь спустя десятилетия.

ПЕЧАТЬ ПЕЧАТКИНО

Андрею Борисовичу дали пять лет, и его лагерные испытания оказались не менее тяжёлыми. По окончании срока был мобилизован, работал инженером-диспетчером, проектировщиком в Архангельском окружном военстрое. Эта же

А. И. Цветаева с внучкой Ритой на балконе дома в Печаткино. Предположительно 1948 г. Фото из архива О. А. Трухачёвой.

организация летом 1943 года направила его на строительство цехов завода им. Свердлова (ныне Сухонского ЦБК) в посёлок Печаткино под Соколом (сейчас территория города). Приехал с Ниной Андреевной Зелениной (фамилия по первому браку) и её сыном Геннадием. Нина Андреевна (1917 - 1995) родилась в Петрограде, но её родители Андрей Прокофьевич и Александра Кузьминична Шарыповы были крестьянами из деревни Чернево Великоустюжского уезда Вологодской губернии, а в самой Вологде ещё в 1930-х годах жила её старшая сестра Агния.

В июне 1945 года А. Б. Трухачёва назначили уже начальником стройплощадки завода им. Свердлова. Но ещё не ведая, куда именно из Архангельска переведён сын, А. И. Цветаева пишет из лагеря: «Тянет в родные места, севернее», «Есть адрес в Вологде, где непременно надо побывать». И в письмах Ариадны Сергеевны Эфрон (под каток репрессий она попала в 1939 году) уже с октября 1945 года начи-

нает звучать та же тема встречи близких людей именно в том месте, где находится А. Б. Трухачёв: «Вам [А. И. Цветаевой] я советую только к Андрюше ехать, в первую очередь, а там видно будет. Вы ведь так им нужны, а его тоску по Вас я по своей измерить могу. <...> Непременно к нему, Ася, или возможно ближе к нему, чтобы в первую очередь быть с ним. А оттуда, когда всё свершится, наладим и нашу с Вами встречу, и всё дальнейшее».

Представление о трудном счастье такой встречи на вологодской земле складывается из самых разных фактов, эпистолярных оценок, свидетельств и документов.

К моменту освобождения 1.09.1947 г. Анастасия Ивановна уже знает, куда ей ехать: в специальном листке, закрывающем дело, есть пометка «уб. [убыла] Сокольский р-он Вологодской обл». На руках у неё и фотография сына и будущей невестки, написавшей на обороте: «Целуем Вас, мама, и ждём в Вологде». Её в самом деле очень ждали. Брак Андрея Борисовича и Нины Андреевны был заключён лишь 14 октября 1947 года в Соколе - скорее всего, к этому времени А. И. Цветаева уже оказалась в Печаткино. И, по её собственному признанию, она приехала туда в конце сентября - начале октября этого года. А 29 октября на свет появилась внучка Маргарита (имя дала Анастасия Ивановна), и хозяйственные

Временное удостоверение, выданное А. И. Цветаевой в Соколе (из материалов следственного дела)

А. Б. Трухачёв и А. И. Цветаева. 1980-е.

хлопоты, помощь невестке захватили целиком.

Была и неприятность: в ноябре на сокольском рынке украли справку об освобождении, паспорт и деньги. Удалось получить временное удостоверение. Однако осознавалось и то, что, несомненно, воодушевляло: квартира без подселения, с двумя печками, на втором этаже (более тёплая), с застеклённой верандой, начавший учиться в школе внук (именно так называла Геннадия Анастасия Ивановна) и, конечно же, маленькая внучка!

Ариадна Сергеевна Эфрон своё намерение ехать после освобождения к тётке и двоюродному брату связывала ещё и с надеждой на трудоустройство в Печаткино или в Вологде. Название города она упоминает в письме Б. Пастернаку: ей хочется «прибиться к месту, и чтобы никто не трогал». Одновременно высказывает и опасение: долго пробыть рядом с Анастасией Ивановной вряд ли сможет. Две женщины, 37 и 53 лет, с одной, но переживаемой по-разному болью - могли ли они именно тогда, в послевоенное непростое время, и в тяжёлых бытовых условиях заводского посёлка обрести общее русло

жизни? Найти работу, соответствующую их знанию иностранных языков, их талантам к рисованию и литературе?

Есть одна странность - письмо Пастернаку датировано 26 августа 1948 года, а, согласно другим данным, А. С. Эфрон вместе с частью архива М. Цветаевой оказалась в Печаткино уже осенью 1947 г. и 5 декабря того же года была записана в крёстные своей двоюродной племянницы Маргариты. Возможно, был лишь один приезд, который и запомнился Геннадию Васильевичу Зеленину, а второй, в 1948 году, лишь намечался. Однако то, что произведения Марины Ивановны в машинописных рукописях были, действительно, привезены, подтверждает одно из писем, адресованных Анастасии Ивановне сводной сестрой В. И. Цветаевой (1883 - 1966), проживавшей на тот период в Москве. Речь в этом письме идёт об очерке «Хлыстовки», который, судя по отклику, Анастасия Ивановна даже специально переписала от руки. Она отвечала на письма, присылаемые в Печаткино, и сама посылала запросы в Москву, в адресный стол, пытаясь разыскать многих знакомых. Возможно, мысль о воспоминаниях уже возникала

в её сознании. Но не было сил даже восстанавливать роман «Апог», который из лагеря частями пересылался в Москву и был, скорее всего, именно Ариадной Эфрон привезён в Печаткино. Роман этот превратился в «Руины романа»: он утратил ту главу, которая, по недостатку бумаги, была написана на очень тонкой, отделявшей листы чертежей (её выкурили). Впоследствии в предисловии к роману А. И. Цветаева скажет так: «Усталость прожитого не в домашних условиях десятилетия помешала в 47-48 годах заняться романом - да и кому отдашь в перепечатку такое, кому доверишь?»

Стало плохо с глазами - попала на два месяца, с начала мая по конец июня 1948 года, в Вологодскую глазную больницу. Но письма шли и туда, и она на них отвечала. Писала в больницу Вологды и в Печаткино и Ариадна Сергеевна: сохранилось несколько её открыток, адресованных Анастасии Ивановне и Геннадии.

Всё это убеждает: продлись подольше пребывание А. И. Цветаевой в Печаткино, а тем более в Вологде, куда вполне могли бы перевести инженера Андрея Борисовича Трухачёва, награждённого за свою службу и работу во время Великой Отечественной войны двумя медалями, она, несомненно, сняла бы печать с литературной работы.

Но новый арест, для которого не было никаких свежих оснований, перечеркнул эту перспективу.

В книге «Последний луч Серебряного

века», посвящённой воспоминаниям об А. И. Цветаевой, есть запись (осуществлена Л. Н. Козловой) такого рассказа об обстоятельствах ареста 17 марта 1949 года:

«Ко мне пришли трое, двое мужчин и женщина, начали расспрашивать, где сын работает - всё про него. Вежливо. Откуда я прибыла. <...> Потом спросили, где моя комната, - и тогда-то я всё поняла. Мы собирались на «Музыкальную историю» с Лемешевым. Андрей пришёл и стал торопить - скоро начало. А уже идёт обыск. Я говорю ему: «Андреюшка, здесь у нас своя «Музыкальная история». У него сразу руки и повисли... Потом он им говорит: «Я должен маму собрать, купить ей сухари, масла, сахару в дорогу». - «Хорошо, - ответили те, - только нас не задерживайте».

В понятия были приглашены соседки (сын одной из них и сейчас живёт в том же доме), «из ценностей ничего описано не было за отсутствием таковых».

В течение месяца А. И. Цветаева находилась в вологодской тюрьме, расположенной там, где стоял Свято-Духов монастырь. Следователя интересовали её образование, происхождение, прежняя работа, родственники, знакомые, весь состав общества розенкрейцеров: «Назовите известных Вам членов мистической организации»; «Кто такая Эфрон?»; «Охарактеризуйте Пастернака». Анастасия Ивановна, судя по допросным листам, отвечала спокойно, в иных случаях - подробно, завершая многие ответы о других людях фразой: «Ничего компрометирующего сообщить не могу». Она перечислила восемь человек, из которых многих уже не было в живых (в том числе поэта-символиста В. Пяста), повторяла, что никакой контрреволюционной деятельностью никогда не занималась, настояла на исправлениях - в её ответы вместо слова «организация» было вписано слово «группа». Об обществе в целом сказала: «Люди были объединены между собой в силу своих духовных взглядов и интересов»; «Лично мне и при мне ни Шевелёв, ни кто другой из членов нашей группы ничего о позиции в отношении Советской власти не говорил».

Б. М. Зубакин. Л. Ф. Шевелёв.
Фото из архива О. А. Трухачевой

Тем не менее постановление гласило, что эта уже надорвавшая здоровье (артеросклероз, порок сердца, грыжа) немолодая женщина является социально опасной личностью и за принадлежность к антисоветской организации должна быть отправлена на поселение. Когда этапном Анастасия Ивановна добралась до места этого поселения - в Пихтовку Новосибирской области, ей, равно как и другим, было объявлено: это навечно.

А. С. Эфрон арестовали месяцем раньше в Рязани и тоже отправили на поселение в Туруханск. А. Б. Трухачёва в июне 1949 года командировали в Туринск, где в 1951 году арестовали. Ему грозил расстрел, но, к счастью, не нашлось его первое дело. Нина Андреевна с детьми следовала за мужем, поддерживала А. И. Цветаеву в новосибирской ссылке, и, во многом благодаря её верности, терпению и трудолюбию, семью удалось сохранить во всех испытаниях.

Дочь и сестра Марины Цветаевой в 1956 - 1959 годах, а позднее и А. Б. Трухачёв были полностью реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

Л. Ф. Шевелёв

При чтении материалов «московского» и «вологодского» дел А. И. Цветаевой и соединении ряда характеристик удалось уточнить некоторые сведения о её друге. Сын военного начальника, дворянин по происхождению, он был связан сначала со Смоленском, где, очевидно, и познакомился с Б. М. Зубакиным, а в 1930-е годы работал железнодорожным техником на станции Вожега. Погиб там же 15 апреля 1936 года при невыясненных обстоятельствах, порождаящих три версии: несчастный случай (неудачно на ходу спрыгнул с подножки поезда), ограбление и убийство (вёз деньги рабочим), устранение одного из руководителей мистического общества сотрудниками НКВД.

Есть и такие свидетельства: «Большую

библиотеку мистической литературы и рукописей имел Леонид Шевелёв. Он предполагал закопать рукописи в Вожеге (Сев. ж.д.), что, видимо, и сделал. Местонахождение этих рукописей мне неизвестно». Что стало с библиотекой Шевелёва, где он родился, какое образование получил, какими способностями обладал, сохранились ли сведения о нём в архивах родственников, потомков, пока не выяснено.

Но известно, что знакомство с Шевелёвым у Анастасии Ивановны состоялось в Москве в 1923 году и Леониду Фёдоровичу она посвятила три своих произведения: «Ушедшему другу», «Другу», «Родные сени». Фотографию его, наряду с фотографией Б. М. Зубакина, хранила всегда и верила во встречу с ним за порогом земного бытия.

*Пишу и верю, что Тобою видим
И карандаш, и лист, и я насквозь, -
И будет так, пока мы все не увидим
Туда, где Ты - и уж вовеки врозь
Не будем.*

(из поэмы «Ушедшему другу»).

Большая Кирилловская, 17

Именно этот адрес в Вологде (сейчас это улица Ленина, дом не сохранился) указывала А. И. Цветаева в письме к сыну ещё до своего освобождения в 1947 году. Она собираясь ехать к одной адвентистке, звавшей к себе. Была ли она по этому адресу, с чем связана обмолвка «непреренно надо побывать», кто там жил, пока не удалось узнать.

Письма

Существует расписка, что рукописи, книги, изъятые при аресте в Печаткино, были возвращены А. И. Цветаевой полностью, но не до конца выяснена судьба всех писем, полученных в 1947-1949 годах от А. С. Эфрон, З. М. Цветковой, В. И. Цветаевой, В. Н. Молчановской, а также писем, адресованных этим корреспондентам. Предчувствие ареста могло расположить Анастасию Ивановну к передаче ряда

эпистолярных документов надёжным людям. И вряд ли названные лица были единственными, с кем переписывалась Анастасия Ивановна.

Врач-окулист Е. В. Александрович, о которой с такой теплотой вспоминала А. И. Цветаева в книге «Моя Сибирь», тоже могла поддерживать эпистолярное общение со своей бывшей пациенткой: судя по отзывам лично знавших её людей, Евгении Васильевне не важна была репутация того, кто нуждался в лечении. Врач хорошо знала польский и немецкий языки, в газете «Красный Север» в послевоенное время печатались её очерки на медицинскую тему. В той части её личного архива, которая находится в Вологде, удалось обнаружить экземпляр журнала «Литературная Грузия» за 1968 г. (№ 3) с дарственной надписью, сделанной рукой А. И. Цветаевой в октябре 1968 года: «Дорогой Евгении Васильевне - с любовью и уважением мои встречи с Горьким и кусочек Италии. В память моего лечения у Вас 20 лет назад в больнице под Вашей рукой - райской. Навсегда благодарная пациентка». Характер записи и дата тоже свидетельствуют о возможных личных контактах двух этих людей в 1950-1960-е годы. Вот почему дальнейшие поиски характеристик вологодского периода жизни А. И. Цветаевой или документов, имеющих отношение к М. И. Цветаевой, могут быть связаны с изучением материалов, которыми располагают минские родственники и знакомые Е. В. Александрович.

Гости, соседи, знакомые, родственники

Сохранилось свадебное стихотворное поздравление Андрею Борисовичу и Нине Андреевне. Его написал некий А. Абезгуз, сыгравший роль посажёного отца. Судя по тексту поздравления, этот человек был тесно связан с заводом и хорошо знал, что молодожёны объединили свои судьбы ещё до приезда в Печаткино.

Крещение Маргариты Трухачёвой совершено на дому 5 декабря 1947 года, но, возможно, его проводил священник из

Ильинского храма, одного из немногих в то время действующих храмов в Вологодской области. С этим священнослужителем А. И. Цветаева могла общаться и на другие темы.

В Печаткино в 1948 году приезжала М. И. Кузнецова-Гринёва (1895 - 1966), о которой А. И. Цветаева отзывалась так: «Вторая жена моего мужа Бориса, самый близкий мне человек после Марины». Когда именно она была и как долго гостила в Печаткино, какие новости привезла из Москвы?

Один из протоколов в деле 1949 года открывается вопросом следователя: «Знаете ли Вы Каган Ревекку Самуиловну?» Ответ А. И. Цветаевой: «Да, Каган Ревекку Самуиловну я знаю с 1948 года по совместному проживанию в Печаткино Сокольского района Вологодской области. Каган по специальности врач и работала в лагере, каком именно - не знаю, в районе п. Печаткино». И далее поясняет, что ничего, кроме того, что Каган более 60 лет, ей неизвестно. Утверждает случайность их знакомства: «только потому, что она просила меня дать ей несколько уроков английского языка. Беседы между нами были по вопросам английского языка, медицины, музыки и книг». Судьба этой женщины, наличие или отсутствие родственной связи Р. С. Каган с близкой подругой А. И. Цветаевой Софьей Исааковной Каган (1902 - 1994) пока не установлены.

С кем из соседей ещё могла общаться Анастасия Ивановна Цветаева, находясь в течение 18 месяцев в Печаткино? С кем поддерживали дружеские отношения Андрей Борисович и Нина Андреевна, прожившие там не меньше 6 лет? Кем именно сделаны фотографии маленькой Маргариты и Анастасии Ивановны, а также А. Б. Трухачёва на фоне одного из домов в Печаткино?

Удалось найти дочь и сына Геннадия Ивановича Белоусова, племянника Нины Андреевны: возможно, в семейном архиве вологодских родственников О. А. Трухачёвой ещё найдутся документы, имеющие отношение к периоду 1940-х

годов, встречаю с близкими в Печаткино или Вологде.

Остаётся открытым вопрос: бывала ли А. И. Цветаева в 1950-е годы в Вологде и к кому приезжала? В её произведении «Старость и молодость» есть такое свидетельство о совместных летних поездках с внучкой Ритой: «С 12 - всё лето вместе: Москва, Вологда, Малоярославец, Таруса, Ленинград, там - дома моих старых друзей».

Дом

Долгое время неустановленным был и адрес того дома в Печаткино, в котором проживали семья Трухачёвых и Анастасия Ивановна. 24 сентября 2014 года, впервые приехав в Сокол и совершив экскурсию в старый район, я ещё не знала, что версия моей помощницы о местонахождении этого дома вскоре подтвердится. Не знала, что фотографирую именно этот дом на улице Фрунзе, входившей когда-то в Первый квартал. Не предполагала, что через пять месяцев младшая внучка Анастасии Ивановны Цветаевой Ольга Андреевна Трухачёва придет сюда и переступит порог той самой квартиры, где жили её родители, бабушка, где родилась сестра.

Сегодня, бывая в Печаткино, видя, как разрушаются деревянные строения, и слушая рассказы жильцов о прошлом, невольно вспоминаю строки Марины Цветаевой:

*Будет скоро мир тот погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь ещё не срублен
И не продан ещё наш дом.*

Старые тополя на улице Фрунзе уже спилены. Дом не продадут - он определён под снос. И пока не тайком мы смотрим на него, неужели нет возможности сохранить хотя бы этот, один из четырёх? Узнав о такой цели, моя коллега сказала: «Но ведь это всего лишь стены...» Другая возразила: «Да, но какие стены? Надышанные, родные...»

Дом, в котором Анастасия Ивановна Цветаева и семья её сына, открывавшего

Улица Фрунзе в Соколе. 24.09.2014. Фото Е. В. Титовой

историю Сухонского ЦБК, пережили столь многое: и трудности, и счастье, и радость встреч, и горе разлуки, и страх неизвестности, и надежду... Дом, в котором хранилась рукопись лагерного романа, потрясающего сегодня не меньше, чем «Колымские рассказы» В. Шаламова. Дом, в котором велись разговоры об архиве Марины Цветаевой, о будущих публикациях её произведений, о поездке в Елабугу.

В деревне Норинская Архангельской области открыли первый в мире музей Иосифа Бродского. Похожий сруб для этого перенесли из Никольского района Вологодской области. А мы в 40 километрах от Вологды позволим навсегда исчезнуть тому, что связано с историей города Сокола, завода, с историей военных и первых послевоенных лет, с Цветаевыми, с великой русской литературой?

Нельзя выкорчёвывать память. Вместе с ней мы выкорчёвываем самих себя из жизни в настоящем - из той жизни, которая единственно настоящая. Если нет памяти о прошлом, нет того, что помогает ей, оживляет её, нет и никакого великого будущего, а есть лишь движение вспять, к худшему из того, что было.

Елена ТИТОВА,
кандидат филологических наук

Р. S. При подготовке статьи к публикации выяснилось, что в областной научной универсальной библиотеке хранятся книги с автографами И. В. Цветаева и Д. В. Цветаева.